

СРАВНИТЕЛЬНОЕ КОНСТИТУЦИОННОЕ ОБОЗРЕНИЕ

№ 3 (130) 2019

**Местное самоуправление в России:
ближе к людям или к чиновникам?**

**Там, где свобода и демократия несовместимы:
немецкий закон о социальных сетях**

Куда популизм ведёт конституционную демократию?

Право на уважение гендерной идентичности

**Государство и религия в Германии:
нужна ли перезагрузка «церковных статей»?**

**Незаконное обогащение в практике
Конституционного Суда Украины: горькое яблоко раздора**

СРАВНИТЕЛЬНОЕ КОНСТИТУЦИОННОЕ ОБОЗРЕНИЕ

№ 3 (130) 2019

Учредитель и издатель

Институт права и публичной политики
http://www.ilpp.ru

Редакционный совет

А. С. АВТОНОМОВ, д.ю.н., профессор
А. БЛАНКЕНАГЕЛЬ, Dr. jur. habil., профессор (сопредседатель)
Н. А. БОГДАНОВА, д.ю.н., доцент
А. Е. ВАШКЕВИЧ, к.ю.н., доцент
Е. В. ГРИЦЕНКО, д.ю.н., профессор
А. В. ДОЛЖИКОВ, к.ю.н., доцент
Л. О. ИВАНОВ, к.ю.н.
И. П. КЕНЕНОВА, к.ю.н., доцент
А. И. КОВЛЕР, д.ю.н., профессор
М. А. КРАСНОВ, д.ю.н., профессор
В. И. ЛАФИТСКИЙ, к.ю.н.
А. Н. МЕДУШЕВСКИЙ, д.ф.н., профессор (сопредседатель)
Р.УИТЦ, LL.M., S.J.D., профессор
С. ХОЛМС, Ph.D. in Law, профессор
А. ШАЙО, Ph.D. in Law, профессор, академик

Редакционная коллегия

И. А. АЛЕБАСТРОВА, д.ю.н.
А. А. ДЖАГАРЯН, д.ю.н.
С. С. ЗАЙКИН, к.ю.н.
О. Н. КРЯЖКОВА, к.ю.н., доцент
У. ПАРТЛЕТТ, Ph.D. in Law
Д. СМИЛОВ, Ph.D. in Law, доцент
С. А. ТЮЛЬКИНА, Ph.D. in Law
Т. М. ХРАМОВА, LL.M., к.ю.н.
П. ЧЕЙСТИ, Ph.D. in Phil.
Д. Г. ШУСТРОВ, к.ю.н.

Главный редактор

О. Б. СИДОРОВИЧ, MBA (in P.S.)

Заместители главного редактора

А. Г. РУМЯНЦЕВ, LL.M., Dr. jur.
А. А. ТРОИЦКАЯ, к.ю.н., доцент

Редакторы

М. В. Сидорович
О. Г. Подоплелова
С. Д. Афанасьев
Д. А. Уварова
А. А. Швец
Г. Нойман (англ.)

Ответственный секретарь

А. В. Крецул

Корректоры

Л. И. Евстифеева
Т. Ю. Лобкова
А. Э. Маньковский
М. В. Сидорович

Компьютерная вёрстка

В. Б. Сидорович

МОНИТОРИНГ КОНСТИТУЦИОННЫХ НОВОСТЕЙ

АПРЕЛЬ – МАЙ • 2019

4

Бельгия, Бруней, Великобритания, Европейский Союз, Египет,
Израиль, Испания, Латвия, Литва, Россия, Украина, Финляндия,
Чехия, Южно-Африканская Республика

ТОЧКА ЗРЕНИЯ: ПОПУЛИЗМ

ПОПУЛИЗМ КАК АНТИПАТЕРНАЛИЗМ

15

Даниел Смилов

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ИНТЕРНЕТА

НЕМЕЦКИЙ ЗАКОН О СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ:
НОРМАТИВНОЕ ЗАКРЕПЛЕНИЕ
ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО ОТСТАВАНИЯ

27

Андрей Румянцев

ПРАВА И СВОБОДЫ В НОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ

ПРАВО НА УВАЖЕНИЕ ГЕНДЕРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ:
НОВЫЕ СТАНДАРТЫ АВТОНОМИИ ЛИЧНОСТИ

54

Татьяна Храмова

ПРАВО И РЕЛИГИЯ

ГОСУДАРСТВЕННО-ЦЕРКОВНОЕ ПРАВО (STAATSKIRCHENRECHT):
ОТВЕТ НЕМЕЦКОГО КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМА НА ВЫЗОВЫ
ВЗАИМООТНОШЕНИЙ ГОСУДАРСТВА И РЕЛИГИИ

69

Сергей Афанасьев

QUARRERE VERUM:

ЛОКАЛИЗАЦИЯ МУНИЦИПАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

ВНИЗ ПО ЛЕСТНИЦЕ, ВЕДУЩЕЙ ВВЕРХ: ЛОКАЛЬНЫЕ СООБЩЕСТВА
И ПРЕОДОЛЕНИЕ МУНИЦИПАЛЬНОГО КРИЗИСА

85

Александр Ларичев

МЕСТНОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ:

ЛОКАЛИЗАЦИЯ ИЛИ УНИВЕРСАЛИЗАЦИЯ?

98

ОТВЕТ НА СТАТЬЮ А. ЛАРИЧЕВА

Армен Джагарян

ОТВЕТ НА КРИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ А. ДЖАГАРЯНА

108

Александр Ларичев

PRAXIS

ПОЛИТИЧЕСКАЯ АРГУМЕНТАЦИЯ В РЕШЕНИЯХ
КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ:
АНАЛИЗ ПОСТАНОВЛЕНИЯ ОТ 14 ИЮЛЯ 2015 ГОДА № 21-П

110

Ольга Комшукова

НЕЗАКОННОЕ ОБОГАЩЕНИЕ: ВЗГЛЯД С ЖИЛАНСКОЙ

127

КОММЕНТАРИЙ К РЕШЕНИЮ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА УКРАИНЫ
ОТ 26 ФЕВРАЛЯ 2019 ГОДА № 1-Р/2019

Александр Евсеев

В КОНСТИТУЦИОННОМ СУДЕ РОССИИ

ОБЗОР ПРАВОВЫХ ПОЗИЦИЙ В ПОСТАНОВЛЕНИЯХ
КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИИ

141

№ 14-П – 19-П • 2019

ОБЗОР ПРАВОВЫХ ПОЗИЦИЙ В ОПРЕДЕЛЕНИЯХ
КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИИ

152

№ 577-0, 578-0, 854-0, 856-0, 863-0, 865-0, 866-0, 867-0 • 2019

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС77-62147 от 19 июня 2015 года

выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций.

Тираж 500 экз. Периодичность – 6 номеров в год. Цена свободная.

Подписано в печать 28 июня 2019 года.

Адрес редакции: 129090 Москва, ул. Щепкина, д. 8.

Для корреспонденции: 129090 Москва, а/я 140.

Тел.: +7 (495) 608-69-59; 608-66-35. Факс: +7 (495) 608-69-15.

Отпечатано: ООО «Буки Веди»

115093, г. Москва, Партийный пер., д. 1, корп. 58, стр. 3, пом. 11.

Позиции авторов статей могут не совпадать с мнением редакции.

При цитировании материалов ссылка на журнал и правообладателя обязательна.

Перепечатка разрешена только с письменного согласия правообладателя.

© Институт права и публичной политики, 2019

COMPARATIVE CONSTITUTIONAL REVIEW

3 (130) • 2019

Founder and Publisher

Institute for Law and Public Policy
http://www.ilpp.ru

Scientific Advisory Board

A. AVTONOMOV, Dr. of Sc. in Law, Professor
A. BLANKENAGEL, Dr. jur. habil., Professor (Co-Chairman)
N. BOGDANOVA, Dr. of Sc. in Law, Associate Professor
A. DOLZHNIKOV, Ph.D. in Law, Associate Professor
E. GRITSENKO, Dr. of Sc. in Law, Professor
S. HOLMES, Ph.D. in Law, Professor
L. IVANOV, Ph.D. in Law
I. KENENOVA, Ph.D. in Law, Associate Professor
A. KOVLER, Dr. of Sc. in Law, Professor
M. KRASNOV, Dr. of Sc. in Law, Professor
V. LAFTITSKY, Ph.D. in Law
A. MEDUSHEVSKY, Dr. of Sc. in Phil., Professor (Co-Chairman)
A. SAJÓ, Ph.D. in Law, Professor, Academician
R. UITZ, LL.M., S.J.D., Professor
A. VASHKEVICH, Ph.D. in Law, Associate Professor

Board of Editors

I. ALEBASTROVA, Dr. of Sc. in Law
P. CHAISTY, Ph.D. in Phil.
A. DZHAGARYAN, Dr. of Sc. in Law
T. KHRAMOVA, LL.M., Ph.D. in Law
O. KRYAZHKOVA, Ph.D. in Law, Associate Professor
W. PARTLETT, Ph.D. in Law
D. SHUSTROV, Ph.D. in Law
D. SMILOV, Ph.D. in Law, Associate Professor
S. TYULKINA, Ph.D. in Law
S. ZAIKIN, Ph.D. in Law

Editor-in-Chief

O. SIDOROVICH, MBA (in P.S.)

Co-Editors-in-Chief

A. RUMYANTSEV, LL.M., Dr. jur.
A. TROITSKAYA, Ph.D. in Law, Associate Professor

Editors

M. SIDOROVICH
O. PODOPLELOVA
S. AFANASIEV
D. UVAROVA
A. SHVETS
G. NEWMAN (Eng.)

Editorial Secretary

A. KRETSUL

Address: 8, Shchepkin Str., Moscow, 129090, Russian Federation
Mailing Address: P. O. Box 140, Moscow, 129090, Russian Federation
Tel.: +7 (495) 608-69-59; 608-66-35
Fax: +7 (495) 608-69-15
E-mail: ilpp-ccr@mail.ru
http://www.ilpp.ru/journal/sko/

© Institute for Law and Public Policy, 2019

CONSTITUTIONAL WATCH

APRIL – MAY • 2019

4

Belgium, Brunei, Czech Republic, Egypt, European Union, Finland, Israel, Latvia, Lithuania, Russia, South Africa, Spain, Ukraine, United Kingdom

POINT OF VIEW: POPULISM

POPULISM AS ANTI-PATERNALISM

15

Daniel Smilov

LEGAL REGULATION OF THE INTERNET

THE GERMAN LAW ON SOCIAL NETWORKS:
REGULATORY FIXING OF TECHNOLOGICAL STRAGGLING

27

Andrey Rumyantsev

RIGHTS AND FREEDOMS IN A NEW REALITY

A RIGHT TO RESPECT FOR GENDER IDENTITY:
NEW STANDARDS FOR PERSONAL AUTONOMY

54

Tatiana Khramova

LAW AND RELIGION

STATE-CHURCH LAW (STAATSKIRCHENRECHT):
THE ANSWER OF GERMAN CONSTITUTIONALISM
TO THE CHALLENGES OF RELATIONS
BETWEEN THE STATE AND RELIGION

69

Sergei Afanasev

QUARRERE VERUM: LOCAL GOVERNANCE

DOWN THE STAIRS LEADING UP:
LOCAL COMMUNITIES AND OVERCOMING
THE MUNICIPAL CRISIS

85

Aleksandr Larichev

LOCAL GOVERNMENT:
LOCALIZATION OR UNIVERSALIZATION?

98

AN ANSWER TO THE ARTICLE BY A. LARICHEV

Armen Dzhagaryan

REPLY TO A. DZHAGARYAN

108

Aleksandr Larichev

PRAXIS

POLITICAL REASONING IN THE DECISIONS
OF THE CONSTITUTIONAL COURT OF THE RUSSIAN FEDERATION:
ANALYSIS OF THE JUDGMENT OF JULY 14, 2015, NO. 21-P

110

Olga Komshukova

ILLEGAL ENRICHMENT: PERSPECTIVES FROM ZHYLIANSKAYA

127

COMMENTARY TO THE DECISION NO. 1-R/2019
OF THE CONSTITUTIONAL COURT OF UKRAINE
FROM FEBRUARY 26, 2019

Oleksandr Yeysieiev

IN THE RUSSIAN CONSTITUTIONAL COURT

REVIEW OF LEGAL REASONING
IN RUSSIAN CONSTITUTIONAL COURT JUDGMENTS

141

NOS. 14-P – 19-P • 2019

REVIEW OF LEGAL REASONING
IN RUSSIAN CONSTITUTIONAL COURT RULINGS

152

NOS. 577-0, 578-0, 854-0, 856-0, 863-0, 865-0, 866-0, 867-0 • 2019

Политическая аргументация в решениях Конституционного Суда Российской Федерации: анализ Постановления от 14 июля 2015 года № 21-П

Ольга Комшукова*

В статье предлагается методика политико-правового анализа решений Конституционного Суда Российской Федерации, позволяющая дифференцировать политические и правовые аргументы Суда. В качестве объекта исследования выбрано Постановление Конституционного Суда, содержащее интерпретацию конституционной нормы о примате международного права. Оно фактически закрепило право России в исключительных случаях не исполнять решения Европейского Суда по правам человека. Это резонансное Постановление демонстрирует особенности аргументации российского Конституционного Суда, вызывающей дискуссию о допустимости исполнения, наряду с правовыми, политических аргументов при вынесении решения. В то время как правовая сторона этого вопроса поддается подробному анализу, политическая аргументация судебных решений в достаточной мере не исследована. Автор предлагает методику анализа судебной аргументации, учитывающую ряд критериев, включая содержательный характер аргументации, особенности оценки судом абстрактных категорий, речевые и стилистические особенности. Кроме самого текста судебного акта, объектом исследования также стали публикации председателя, действующих и бывших судей Конституционного Суда, представителей профессионального юридического сообщества и СМИ. Проведенный анализ позволяет сделать ряд выводов относительно особенностей механизма легитимации, используемого судом в решениях, а предложенная методика в перспективе может быть применена для анализа других постановлений Конституционного Суда РФ.

→ *Политическая аргументация; легитимность решений Конституционного Суда РФ; Конституционный Суд как политический институт; Европейский Суд по правам человека*

DOI: 10.21128/1812-7126-2019-3-110-126

1. Легитимность решений органов конституционного правосудия сегодня

Конституционный суд, будучи институтом смешанной политико-правовой природы, неизбежно вынужден обращаться как к правовым, так и к политическим средствам аргументации при вынесении решений. Более того, баланс этих видов аргументации обеспечивает конституционному суду и его решениям свойство легитимности, важнейшее для любого политического института.

Вопрос соотношения политических и правовых функций судов актуален как для стран со сложившимися традициями конституционного правосудия, например США¹, так и для стран с ещё не окрепшими демократическими институтами, в частности стран Восточной Европы и России². В последнем случае кон-

¹ См., например: Fallon R. H., Jr. Law and Legitimacy in the Supreme Court. Cambridge, MA ; London : The Belknap Press of Harvard University Press, 2018.

² Подробный анализ актуальных тенденций конституционного правосудия см.: Медушевский А. Конституционное правосудие как политический институт в системе разделения властей // Политические сочинения: право и власть в условиях социальных трансформаций. М. ; СПб. : Центр гуманитарных инициатив ; Университетская книга, 2015. С. 252–285.

* Комшукова Ольга Валерьевна — юрист, аспирант Аспирантской школы по политическим наукам Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Москва, Россия (e-mail: komshukova@gmail.com).

ституционные суды обычно представляют собой институты, которые не ограничиваются формально-юридическими аргументами при вынесении решений, что свидетельствует о явной тенденции к их политизации. Как подтверждает пример кризиса конституционализма в Польше, наблюдаемого с конца 2015 года, власть конституционных судов — это вопрос политический, зависящий от политического большинства и общественной поддержки³.

Российский конституционализм также находится в процессе стагнации, отдельными признаками которой являются споры о легитимности и качестве судебных решений и о чрезмерном преобладании политической мотивации в решениях Конституционного Суда России (*далее также* — Суд). Об этом свидетельствуют актуальные работы специалистов по конституционному праву. Например, А. Н. Медушевский важнейшим условием укрепления конституционализма в России называет свойство легитимности постановлений Суда⁴. Автор последовательно доказывает необходимость развития доктрины легитимности судебных решений, предлагая ряд направлений для возможных исследований в этой сфере⁵. С вопросами политизации и легитимности решений Суда также связана дискуссия о «качестве» его решений. Исходным тезисом для неё стала позиция правоведа А. А. Петрова о недопустимости использования в мотивировке решения Суда аргументов, отличных от правовых⁶, установленных поло-

жениями Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации»⁷ (*далее* — Закон о Конституционном Суде). Возражения оппонентов сводились к тому, что Суд, кроме правовых аргументов, свободен в использовании доводов политического, экономического, социального характера, а также соображений целесообразности⁸. Наряду с «качеством» решений некоторые правоведы оценивают также «убедительность аргументов» Суда, выделяя правовые аргументы как наиболее слабые среди используемых Конституционным Судом России в решениях⁹.

Допустимость оценки судебных решений с точки зрения легитимности подчёркивает сам Суд. Оценивая работу Европейского Суда по правам человека (*далее также* — ЕСПЧ, Европейский Суд), Суд использует понятия правовой и социальной легитимности, называя их необходимыми свойствами судебного постановления¹⁰. Автор настоящей статьи также понимает легитимность в широком смысле и не сводит её к «легальности». Известные виды легитимности — правовая, социологическая и моральная — в равной степени могут быть применены к решениям Суда.

Необходимо констатировать наличие как минимум двух категорий аргументов, которые использует Суд для легитимации своих решений: правовые и неправовые (в том числе политические). При этом их разграничение становится сложной задачей, достигнутой путём тщательного анализа конкретного постановления. Поскольку анализ постановлений Суда — прерогатива представителей

³ См.: Мрозек А., Следзиньска-Симон А. Легитимность конституционных судов и принцип верховенства права: сравнительный взгляд на польский конституционный кризис // Сравнительное конституционное обозрение. 2017. № 1 (116). С. 64–79, 64.

⁴ См., например: Конституционные принципы и пути их реализации: российский контекст: аналитический доклад / под ред. А. Н. Медушевского. М.: Институт права и публичной политики, 2014. С. 55–75.

⁵ См. также: Медушевский А. Н. Конституционный контроль и политический выбор в обществах переходного типа: к проблеме легитимности судебных решений на постсоветском пространстве // Вестник Конституционного совета Республики Казахстан. 2011. Вып. 18. С. 49–64.

⁶ См.: Петров А. Правовое качество решений Конституционного Суда Российской Федерации: постановка вопроса и некоторые практические проблемы // Сравнительное конституционное обозрение. 2014. № 2 (99). С. 95–110.

⁷ Федеральный конституционный закон от 21 июля 1994 года № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 13. Ст. 1447.

⁸ См.: Джагарян А. Вмененная безупречность: решения Конституционного Суда Российской Федерации и правовое качество: Ответ на статью А. Петрова // Сравнительное конституционное обозрение. 2014. № 2 (99). С. 111–124.

⁹ См., например: Бланкенгагель А., Левин И. В принципе нельзя, но можно!..: Конституционный Суд России и дело об обязательности решений Европейского Суда по правам человека // Сравнительное конституционное обозрение. 2015. № 5 (108). С. 152–162.

¹⁰ См.: Пункт 6 Постановления Конституционного Суда РФ № 21-П от 14 июля 2015 года.

юридического профессионального сообщества, обычно он сосредоточен лишь на формально-юридической стороне решения и правовых аргументах Суда. Однако аргументы, отличные от правовых, в частности политические, часто остаются без должного внимания. Обычно присутствует указание на «неправовой» характер таких аргументов и выражаются сомнения в их обоснованности. Отдельные работы содержат подробный анализ судебной аргументации, включающий не только правовую, но и политическую направленность. Например, известна работа А. К. Соболевой «Топическая юриспруденция», которая презентует судебную риторику не как искусство выступления, а в её историческом значении — как искусство построения судебной аргументации¹¹. Последняя строится на симбиозе лингвистических, социокультурных (ценностных), логических и правовых (фактологических) приёмов. Принципы топической юриспруденции могут быть использованы для анализа судебных решений. Сама А. К. Соболева применяет её подходы к анализу публикаций судей Конституционного Суда РФ, проводя грань между правовыми и политическими способами обоснования позиций В. Д. Зорькина и Т. Г. Морщаковой¹². Другой успешный пример комплексного правового и политологического анализа — работа И. Б. Микиртурмова, в которой автор исследует аргументы Конституционного Суда РФ при вынесении решения по «делу Маркина»¹³ на предмет легитимности и рациональности.

Таким образом, отсутствие комплексного подхода к анализу решения Суда, позволяющего оценить содержание не только правовых, но и политических аргументов, представляет исключительно перспективный объект для исследования.

2. Методика политико-правового анализа постановления Конституционного Суда РФ

Первостепенной задачей для проведения политико-правового анализа постановления Суда является идентификация его правовой и политической аргументации.

Здесь необходимо оговорить возможность разделения аргументации, используемой Судом, на правовую и политическую в целях настоящего исследования. Несомненно, регулирование любых общественных отношений, в том числе в политической сфере, — это задача и нормальная функция права. Суд, исходя из своей специфики, воздействует на политическую сферу. В этом смысле его правовая и политическая функции существуют неразрывно. Тем не менее следует различать те случаи, когда регулирование и обоснование политических целей и вопросов осуществляется правовыми средствами, а когда — исключительно политическими. Именно политические аргументы и мотивы представляют интерес для нашего исследования. В тексте судебного решения (постановления) правовые и политические аргументы присутствуют совместно и взаимосвязаны, но в исследовательских целях мы можем разделить их и рассматривать как две независимо существующие категории. Однако соотношение и разграничение этих видов аргументации сопряжены с рядом сложностей. Основная из них — отсутствие единообразия в подходах, объясняющих различия права и политики. В поисках подходящего инструментария для анализа мы обратились к дискуссии о российской правовой традиции, которая поставила ряд вопросов о соотношении права и политики с точки зрения юридической антропологии¹⁴. Она позволила сформулировать критерии отличия правовых аргументов от политических.

Политическая и правовая аргументации характеризуются разным «стилем», под которым можно понимать устойчивые особенности, средства выражения и приёмы, объединённые общим содержанием. В нашем случае «стиль» судебной аргументации будут определять цель и «послание» аргументации,

¹¹ Соболева А. К. Топическая юриспруденция. М.: Добросвет, 2002. С. 9.

¹² См.: Соболева А. К. Ценностные ориентиры судебного решения: Валерий Дмитриевич Зорькин против Тамары Георгиевны Морщаковой // Новая юстиция. 2009. № 1. С. 16.

¹³ Микиртурмов И. Б. Аргументация и легитимность: дело Маркина // РАЦИО.ru. 2015. № 15. С. 97–133. URL: https://journals.kantiana.ru/upload/iblock/f38/Микиртурмов_97-133.pdf (дата обращения: 01.05.2019).

¹⁴ См.: Медушевский А. Н. Российская правовая традиция — опора или преграда?: Доклад и обсуждение. М.: Фонд «Либеральная Миссия», 2014. С. 9–26.

особенности речевых и стилистических приёмов её изложения.

Основное отличие двух видов аргументации — цель. Цель правовой аргументации — регулирование общественных отношений на основании норм права, порождающих возникновение, изменение или прекращение правоотношений. Целями политической аргументации являются наделение конкретного политического процесса заданным смыслом, мобилизация интересов, формирование общественного мнения и тому подобное¹⁵.

Целью аргументации обусловлена и природа её логики. Правовая аргументация стремится к объективности, истинности. В этом смысле она близка к научной, точнее, естественнонаучной аргументации. Политическая аргументация, напротив, субъективна, поскольку всегда учитывает интересы конкретного субъекта — как субъекта, формулирующего аргумент, так и субъекта, к которому такая аргументация обращена, на кого направлена. Правовую аргументацию характеризуют «ясность и однозначность; последовательность и логичность; достоверность и имманентность; плюрализм и максимальная простота»¹⁶.

Эта специфика определяет языковые особенности аргументации. Юридический язык характеризуется формализованностью, «клишированностью», обилием канцеляризма¹⁷. Он использует стандартизированные юридические термины, формулы и речевые обороты. Характерным для юридического языка является присутствие модальных глаголов (должен, обязан), использование пассивных

конструкций (устанавливается, назначается, предписывается). В юридическом тексте отсутствует субъект, индивидуальный автор, используются обобщающие конструкции (любой, каждый, все). Правовые суждения эмоционально и экспрессивно нейтральны¹⁸. Для политической аргументации, напротив, характерно «присутствие» субъекта: отвлечённые понятия и категории применяются к конкретным субъектам, оцениваются с точки зрения противопоставления субъектов или их групп (например, разделение по принципу «свой—чужие»); одни и те же категории и понятия видоизменяются в зависимости от субъекта. Субъективность, неоднозначность, оценочность, относительность, непоследовательность характеризуют политическую аргументацию. Она может носить яркий эмоциональный заряд и апеллировать к чувствам.

Другим важным отличием двух категорий аргументации является их содержательный характер. Правовая аргументация содержит обращение к конкретным параметрам, подлежащим формально-юридическому анализу. Основные из них — это выбор, применение и толкование источников права, к которым обращается суд при мотивировке принятого решения. Прежде всего это нормативно-правовые акты — конкретные статьи Конституции, нормы федерального законодательства (законы и конституционные законы), подзаконных актов, законодательства субъектов Российской Федерации, а также нормы международного права. Особое место среди источников права занимает судебная практика. Суд может ссылаться на собственные решения, судебные акты Верховного Суда РФ, решения конституционных судов субъектов Российской Федерации, а также на акты органов международного правосудия. Доктринальные толкования также принимаются во внимание Судом. Важен анализ специфических правовых конструкций, которые использует Суд: принципы права, концепции, отдельные дефиниции.

¹⁵ Pye L. W. Political communication // The Blackwell Encyclopedia of Political Science / ed. by V. Bogdanor. 2nd ed. Cambridge : Cambridge University Press, 1993. P. 443—445.

¹⁶ Lumer C. Interpreting arguments // Proceedings of the 5th Conference of the International Society for the Study of Argumentation. Amsterdam : SicSat, 2003. P. 268. Цит. по: Усманова Е. Ф. Понятие и функции юридической аргументации // Современные научные исследования и инновации. 2015. № 1. Ч. 3. URL: <http://web.snauka.ru/issues/2015/01/45623> (дата обращения: 07.02.2019).

¹⁷ Указанные специфические характеристики часто воспринимаются в качестве практически неизбежных недостатков юридических текстов. Однако в настоящей статье они используются без какой-либо негативной коннотации, исключительно в целях подробного описания особенностей юридического языка.

¹⁸ См.: Кожемякин Е. А. Юридический дискурс как культурный феномен: структура и смыслообразование // Юрлингвистика: Право как дискурс, текст и слово. 2011. № 1 (11). С. 131—145. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yuridicheskiy-diskurs-kak-kulturnyy-fenomen-struktura-i-smysloobrazovanie-1.pdf> (дата обращения: 07.02.2019).

Анализ постановления Конституционного Суда РФ: соотношение политических и правовых аргументов

I. Формальные параметры постановления	
1.1. Наименование и реквизиты. 1.2. Инициаторы рассмотрения дела (заявитель). 1.3. Состав суда (если есть особенности). 1.4. Фабула дела. 1.5. Мотивировка (общая логика, основные моменты). 1.6. Резолютивная часть постановления (исход дела).	
II. Общая характеристика аргументов	
Признаки правовой аргументации	Признаки политической аргументации
1. Релевантные и/или надёжные. 2. Ясность, однозначность применяемых формулировок, толкований, выводов. 3. Последовательность и логичность аргументации и выводов. 4. Достоверность используемых источников и фактов. 5. Плюрализм (доводы в пользу различных вариантов).	1. Нерелевантные и/или ненадёжные. 2. Неопределённость, многозначность терминов и доводов. 3. Непоследовательность в изложении аргументации и выводах. 4. Нет проверки достоверности используемых источников и фактов. 5. Последовательная трансляция и защита только одной позиции, без контраргументации.
III. Содержательный характер аргументов	
Признаки правовой аргументации	Признаки политической аргументации
Возможные вопросы: • На какие именно нормы ссылается суд? • Насколько уместна ссылка на данную норму? • Насколько интерпретация нормы соответствует ранее использованной интерпретации в постановлениях суда? • Как помогает приведённая норма в формулировании и пояснении принятого решения? • Насколько соответствуют используемые правовые нормы, их толкование и интерпретация, данные судом, практике применения таких норм?	Возможные вопросы: • Как влияют аргументы на восприятие постановления в целом? • К кому обращено и на кого направлено использование соответствующих приёмов? • Какова цель их применения? • О чём может свидетельствовать их применение?
Апелляция к источникам права: 1. Статьи Конституции РФ. 2. Нормы законодательных актов. 3. Нормы международного права. 4. Ссылка на собственную практику Суда (другие решения) по этой категории дел. 5. Ссылка на собственную практику Суда (другие решения) по иным категориям дел. 6. Ссылка на решения международных судов (в частности, ЕСПЧ). 7. Ссылки на решения конституционных судов других государств. 8. Ссылка на экспертное мнение и мнение правового сообщества, правовую доктрину.	1. Апелляция к рациональности, эффективности, выгоде. 2. Апелляция к «авторитету» – к личностям, статусам, позициям. 3. Апелляция к ценностям, «коллективной морали», историческим, культурным особенностям. 4. Апелляция к «пафосу» – эмоциям, опыту, чувствам. 5. Ссылка на политическую ситуацию, конкретный исторический момент. 6. Ссылки на источники права не корректны, не объяснены.
IV. Особенности оценки абстрактных категорий	
Признаки правовой аргументации	Признаки политической аргументации
1. Категории оцениваются с точки зрения общепризнанных норм и принципов права. 2. Имеется преемственность и последовательность правовых позиций суда по аналогичным вопросам. 3. Иерархия принципов, норм и ценностей обусловлена правовыми установлениями.	1. Категории оцениваются с точки зрения интересов конкретных субъектов, групп, политических акторов. 2. Иерархия принципов и значение категорий даётся в зависимости от текущей политической ситуации, политической конъюнктуры, исторического контекста. 3. Императивная расстановка приоритетов вне зависимости от правовых предписаний.
V. Речевые и стилистические особенности	
Признаки правовой аргументации	Признаки политической аргументации
1. Использование канцеляризма, юридической терминологии, юридических формул, фактов. 2. Отсутствие индивидуального автора, коллективный автор без индивидуализирующих признаков, отстранённость автора от субъектов повествования («обезличенность»). 3. Использование эмоционально нейтральных выражений. 4. Использование конструкций с пассивным залогом, модальными глаголами.	1. Использование оценочных категорий, неоднозначно определённых понятий, расширительное толкование терминов и понятий, использование «лозунгов». 2. Присутствие индивидуального автора, соотношение автора и аудитории, объединение автора и читательской аудитории в группу (мы), противопоставление автора иным субъектам (они, иные). 3. Эмоциональные, экспрессивные выражения, в некоторых случаях – агрессивные. 4. Использование конструкции с активным залогом.

С поиском и анализом политической аргументации, как правило, возникают определённые сложности. Такая аргументация не выделяется в тексте судебного акта явным образом (ссылкой на конкретный источник), однако может быть обнаружена путём её сопоставления с правовыми аргументами. Главное отличие политического аргумента — апелляция к политической рациональности или эффективности. Такая рациональность — это обоснование предложенного решения выгодой, быстротой, защитой общественных интересов, противостоянием «врагу», апелляцией к традиции, истории. В этих случаях аргументация может не содержать отсылки к конкретному источнику права. Возможна и обратная ситуация, когда политический аргумент может быть подкреплён ссылкой на норму права, которая при этом будет истолкована в нетрадиционном значении, с нарушением формально-юридической логики или без учёта места применяемой нормы в иерархии источников права.

Разница в содержательном характере аргументов становится наиболее заметной при толковании и оценке абстрактных категорий, таких, например, как право и справедливость. Правовое толкование будет обращаться в этом случае к общепризнанным принципам, нормам, доктринам, а политическая аргументация будет учитывать политическую конъюнктуру и интересы той группы, которую представляет лицо, выдвигающее аргумент.

Политический аргумент существует безотносительно к правовой стороне вопроса и может использовать такие категории, как ценности, мораль, традиции, эмоции. В этих целях могут быть применены характерные для политики риторические приёмы, среди которых — аргументы, обращённые к конкретной личности (органу, институту), аргументы к аудитории, аргументы к авторитету. Цель политической аргументации — не обоснование истинности конкретного утверждения (вынесенного решения) логическим путём, а достижение согласия читательской аудитории с позицией суда путём обращения к чувствам и эмоциям. Эмоциональность, провокативность, апелляция к общему интересу или мнению, обесценивание отдельных аргументов, попытка уклонения от решения отдельных вопросов — всё это также выделяет политические аргументы на фоне правовых.

Для выявления обозначенных выше признаков правовой и политической аргументации анализу прежде всего подлежит текст самого судебного акта, включая особые мнения судей. Дополнительными источниками информации могут служить нормативные акты (и их проекты), связанные с принятым решением, последующая практика Конституционного Суда РФ и других судов, сложившаяся с учётом рассматриваемого Постановления, устные и письменные публичные выступления судей и Председателя Конституционного Суда, других должностных лиц, публикации в СМИ и профессиональных изданиях.

В таблице выше представлен перечень критериев, используемых для анализа судебного решения с точки зрения характера используемой аргументации.

Необходимо оговорить, что предложенная методика имеет ряд существенных ограничений для последующего применения. Во многом они обусловлены спецификой национальной правовой системы. Среди ограничений — установленная в российской правовой системе иерархия источников права, заданная Конституцией РФ, и место, которое отводится нормам и принципам международного права. Методика должна учитывать также особенности российской правовой системы, исторического момента, специфику национального конституционного процесса, например пределы, заданные Суду специальным законом (Закон о Конституционном Суде), определяющие возможность рассмотрения конкретных дел исключительно в рамках вопросов права (формального соответствия проверяемой нормы Конституции РФ) без исследования фактических обстоятельств дела¹⁹. Изменение любого из этих параметров потребует корректировки методики анализа аргументации постановления. Специфика рассматриваемого постановления также может потребовать корректировки методики с введением новых и/или отказом от применения ранее разработанных критериев.

¹⁹ Статья 3 Закона о Конституционном Суде.

3. Реализация методики анализа на примере Постановления Конституционного Суда РФ от 14 июля 2015 года № 21-П

Для иллюстрации предложенной методики рассмотрим особенности правовой и политической аргументации в Постановлении Конституционного Суда РФ от 14 июля 2015 года № 21-П²⁰ (далее — Постановление). Это Постановление можно назвать «знаковым» по целому ряду причин. Оно, по сути, закрепило возможность России не исполнять обязательные для неё как для участницы Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее — Европейская Конвенция, ЕКПЧ) решения Европейского Суда. Постановление вполне определённо обозначило несогласие России с судебными актами ЕСПЧ и вызвало широкий резонанс в отечественных и зарубежных научных кругах, а также средствах массовой информации. Его принятие имело важнейшие последствия для российской правовой системы. Постановление не только содержало новую позицию по вопросу иерархии источников права и места норм международного права в ней, но и повлекло внесение изменений в Закон о Конституционном Суде. Полномочия Суда были расширены, в его производстве появился новый тип — рассмотрение дела о возможности исполнения решения межгосударственного органа по защите прав и свобод человека.

Кратко напомним основные тезисы Постановления и элементы его мотивировочной части.

Заявитель: инициативная группа депутатов Государственной Думы РФ.

Предмет обращения заявителя: «неопределённость» относительно соответствия Конституции РФ процессуальных норм административного, гражданского и уголовного права, которые закрепляют обязательность применения постановлений ЕСПЧ, вынесенных в отношении России, в тех случаях, когда такие постановления противоречат Конституции РФ.

Обращение не связано с рассмотрением конкретного дела, а подано в порядке «абстрактного нормоконтроля». Предмет обращения формулируется сначала как вопрос «об обязательности вынесенных против России постановлений Европейского Суда по правам человека, когда между содержащимся в таком постановлении толкованием Конвенции о защите прав человека и положениями Конституции РФ возникают коллизии» (абзац 4 пункта 1.2 мотивировочной части Постановления), далее — как «вопрос об исполнении вынесенного по жалобе против России постановления Европейского Суда по правам человека, возлагающего на государство обязательства, реализация которых не согласуется с Конституцией РФ» (пункт 1.3 мотивировочной части Постановления).

Результат рассмотрения заявления: заявителю было отказано в признании процессуальных норм неконституционными, поскольку сами по себе такие нормы Конституции РФ не нарушают, а, наоборот, в полной мере ей соответствуют.

Основное значение данного Постановления заключается в том, что в нём дано подробное толкование ряда норм Конституции, в соответствии с которыми:

1) Конституция имеет преимущественную юридическую силу на территории Российской Федерации по сравнению с нормами международного права, иначе это нарушало бы принцип государственного суверенитета Российской Федерации;

2) возможен отказ России от исполнения решений Европейского Суда, несмотря на то что это является обязанностью государства — участника Европейской Конвенции в соответствии с нормами международного права, в частности Венской конвенцией о праве международных договоров от 23 мая 1969 года (далее — Венская конвенция). Отказ возмо-

²⁰ Постановление Конституционного Суда РФ от 14 июля 2015 года № 21-П по делу о проверке конституционности положений статьи 1 Федерального закона «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней», пунктов 1 и 2 статьи 32 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации», частей первой и четвёртой статьи 11, пункта 4 части четвёртой статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 13, пункта 4 части 3 статьи 311 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 15, пункта 4 части 1 статьи 350 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и пункта 2 части четвёртой статьи 413 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы.

жен по решению Суда в тех случаях, когда решение Европейского Суда противоречит Конституции РФ.

3.1. Особенности построения правовой аргументации

Суд приходит к выводам, изложенным в Постановлении, методом системного толкования ряда норм Европейской Конвенции, Венской конвенции и Конституции РФ. Основная линия правовой аргументации выстраивается на основе положений Венской конвенции. Суд подтвердил приверженность России нормам Венской конвенции и наличие обязательства следовать нормам международного права, имеющим приоритетное значение по сравнению с законами Российской Федерации, в соответствии с Конституцией РФ. Признавая необходимость следовать Европейской Конвенции, Суд подтверждает, что решения ЕСПЧ являются неотъемлемой частью ЕКПЧ. Далее, со ссылкой на принцип государственного суверенитета Суд последовательно доказывает возможность неисполнения решений ЕСПЧ.

В ходе обоснования своей позиции Суд приводит ссылки на собственные ранее изложенные правовые позиции, которые имеет смысл рассмотреть несколько подробнее.

Так, Суд ссылается на Постановление от 26 февраля 2010 года № 4-П²¹, которое содержит выводы о роли решений Европейского Суда в правовой системе Российской Федерации. В частности, в данном постановлении Суд указывает, что:

а) ратифицировавшее Конвенцию о защите прав человека и основных свобод государство обязуется исполнять окончательные постановления ЕСПЧ по делам, в которых государство является стороной (абзац 1 пункта 2.1 мотивировочной части Постановления от 26 февраля 2010 года № 4-П);

б) при исполнении решения ЕСПЧ государство не только выплачивает компенсацию согласно решению, но и принимает меры об-

щего и индивидуального характера для устранения нарушений, послуживших причиной вынесения решения, в отношении заявителя и третьих лиц (абзац 2 пункта 2.1 мотивировочной части Постановления от 26 февраля 2010 года № 4-П);

в) «исполнение решения, вынесенного любым судом, должно рассматриваться как неотъемлемая часть справедливого правосудия, — в противном случае, если в национальной правовой системе допускается, что окончательное, обязательное судебное решение может оставаться неисполненным, “право на суд” становится иллюзорным» (абзац 2 пункта 2.2 мотивировочной части Постановления от 26 февраля 2010 года № 4-П).

Тем не менее анализируемое Постановление от 14 июля 2015 года не содержит ссылки на эти важнейшие положения, а ссылается лишь на выводы суда относительно необходимости предоставления права на обжалование национального судебного решения лицу, в пользу которого ЕСПЧ принял решение.

Постановление от 7 июня 2000 года № 10-П²² приводится Судом для обоснования содержания понятия государственного суверенитета, который, предполагая «верховенство, независимость и самостоятельность государственной власти, полноту законодательной, исполнительной и судебной власти государства на его территории и независимость в международном общении, представляет собой необходимый качественный признак Российской Федерации как государства, характеризующий её конституционно-правовой статус» (абзац 2 пункта 2.1 мотивировочной части Постановления от 7 июня 2000 года № 10-П).

Ссылку на Постановление от 7 июня 2000 года № 10-П Суд приводит для подкрепления вывода о том, что участие России в межгосударственных объединениях и заключение ею международных договоров не означают отказа от государственного суверенитета (абзац 3 пункта 2.2 Постановления

²¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 26 февраля 2010 года № 4-П по делу о проверке конституционности части второй статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан А. А. Дорошка, А. Е. Кота и Е. Ю. Федотовой.

²² Постановление Конституционного Суда РФ от 7 июня 2000 года № 10-П по делу о проверке конституционности отдельных положений Конституции Республики Алтай и Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации».

№ 21-П). Однако само Постановление от 7 июня 2000 года № 10-П рассматривает государственный суверенитет исключительно в его соотношении с суверенитетом субъектов Российской Федерации. В указанном постановлении разъясняется понятие суверенитета, но не рассматривается соотношение государственного суверенитета с юрисдикцией органов международного правосудия, не проводится оценка ограничения или частичного отказа от суверенитета в случае участия России в межгосударственных объединениях и в международных договорах.

Определение от 2 июля 2013 года № 1055-О²³ содержит вывод Суда о том, что международный договор Российской Федерации не может проверяться на конституционность, после того как такой договор вступил в силу. «...Иное не только противоречило бы общепризнанному принципу международного права *pacta sunt servanda* и ставило бы под сомнение соблюдение Российской Федерацией добровольно принятых на себя международных обязательств, в том числе вытекающих из Венской конвенции о праве международных договоров, но и нарушало бы предписания статьи 125... Конституции...», предусматривающей закрытый перечень полномочий Суда (абзац 1 пункта 1.2 мотивировочной части анализируемого Постановления; абзац 4 пункта 2.1 мотивировочной части Определения от 2 июля 2013 года № 1055-О).

Почти дословное воспроизведение формулировки подтверждает позицию Суда о невозможности пересмотра вопроса о соответствии российской Конституции Европейской Конвенции как в связи с национальными процессуальными нормами, так и в связи с международными. Это демонстрирует последовательность Суда и его безусловное признание ЕКПЧ составной частью правовой системы Российской Федерации и отсутствие противоречий с Конституцией РФ.

Принцип государственного суверенитета в аргументации Суда выступил в качестве ос-

новополагающего, приоритетного по сравнению с другими принципами, провозглашёнными в Конституции РФ. Это позволило поднять новую волну дискуссий относительно концепции конституционной идентичности, ориентацию на которую продемонстрировал Суд в Постановлении²⁴.

3.2. Содержательный характер и особенности логического построения аргументации

Некоторые правоведы нашли не вполне убедительным, последовательным и обоснованным с правовой точки зрения логический переход Суда от тезиса о необходимости исполнять международные обязательства к допущению возможности неисполнения решений ЕСПЧ.

С подробной и аргументированной критикой практически сразу после публикации Постановления выступил А. Бланкенагель в соавторстве с И. Левиным. Правоведы заметили, что, «формулируя масштабы собственного контроля, Конституционный Суд использует не всегда убедительные аргументы (например, по вопросу суверенитета), забывает об особенностях Конституции России и собственной судебной практики... и не объясняет значение статьи 46 Венской конвенции о праве международных договоров в вопросе ограничения обязательной силы решений ЕСПЧ»²⁵. Особо отмечается, что Суд опирается на «достаточно размытые термины», что создает «недопустимую неопределённость» по вопросу исполнения решений ЕСПЧ²⁶.

Правовед И. В. Рехтина подчёркивает уникальность и «правомерность» выводов Конституционного Суда РФ²⁷. При этом она замечает, что роль по оценке возможности ис-

²⁴ См., например: *Блохин П.* Судебная доктрина конституционной идентичности: генезис, проблемы, перспективы // Сравнительное конституционное обозрение. 2018. № 6 (127). С. 62–81; *Троицкая А., Храмова Т.* Основы основ: экспрессивный и функциональный потенциал конституционных устремлений // Сравнительное конституционное обозрение. 2018. № 1 (122). С. 54–79.

²⁵ *Бланкенагель А., Левин И.* Указ. соч. С. 152.

²⁶ Там же.

²⁷ *Рехтина И. В.* Изменение порядка исполнения актов Европейского суда в связи с принятием Постановления Конституционного Суда РФ от 14 июля 2015 года № 21-П // Российский судья. 2017. № 6. С. 50–53, 51.

²³ Определение Конституционного Суда РФ от 2 июля 2013 года № 1055-О об отказе в принятии к рассмотрению запроса группы депутатов Государственной Думы о проверке конституционности Федерального закона «О ратификации Протокола о присоединении Российской Федерации к Марракешскому соглашению об учреждении Всемирной торговой организации от 15 апреля 1994 года».

полнения решений ЕСПЧ, которую принял на себя Суд, не вполне соответствует его роли и целям. Она утверждает, что «регулярное задействование Конституционного Суда РФ в решении вопроса об исполнении каждого акта ЕСПЧ искажает его сущность и предназначение, превращая из исключительного органа конституционного контроля в орган судебного надзора, нивелируя тем самым его полномочия»²⁸.

Эксперт Института современной России правовед Е. Мишина пишет о том, что позиция Суда была направлена на защиту суверенитета России. Г-жа Мишина приводит хронологию развития правовой позиции, которую отражал Суд в своих постановлениях, и заключает, что «политическая воля на создание механизма, позволяющего не исполнять несимпатичные нам постановления Страсбургского суда, была услышана и закреплена в судебном акте, являющемся окончательным и не подлежащим обжалованию»²⁹.

В защиту позиции Суда выступает ведущий российский юрист-международник А. С. Исполинов. Он называет Постановление эволюционным, динамичным, своевременным и оправданным. Тем не менее он находит странной попытку Суда проверять правильность толкования ЕСПЧ норм Конвенции. Завершает аргументацию автор, впрочем, тоже едва ли правовым замечанием о том, что вряд ли кто-то предполагал при присоединении к Европейской Конвенции, что решения против России будут выноситься в количестве более ста ежегодно³⁰. Кроме того, г-н Исполинов резонно замечает, что с момента присоединения к конвенции «изменилась страна, изменились люди, изменилось время»³¹.

Таким образом, среди оценок экспертов (правоведов) преобладает констатация бессистемности и непоследова-

тельности применяемых Судом аргументов и недостаточности правового обоснования принятого решения, даже в случаях согласия эксперта с основной позицией Суда. Наряду с правовой оценкой аргументации Суда экспертами неизбежно обнаруживается в Постановлении неудовлетворенность Суда позициями ЕСПЧ. Некоторыми авторами подчёркивается эмоциональность Постановления³² – атрибут, не столько характерный для правового обоснования, сколько действенный в политическом убеждении.

3.3. Обусловленность правовой позиции Конституционного Суда РФ изменением политической конъюнктуры

Позиция Суда, изложенная в Постановлении, не соответствует его собственной практике более раннего периода — начала 2000-х годов. Ранее Суд не рассматривал возможность неисполнения решений ЕСПЧ. Например, в Постановлении от 30 июля 2001 года № 13-П³³ Суд указал, что «защита нарушенных прав не может быть признана действенной, если судебный акт... своевременно не исполняется», а также, цитируя решение ЕСПЧ, подтвердил, что «исполнение решения, вынесенного любым судом, должно рассматриваться как неотъемлемая часть “суда”» (абзацы 1, 2 пункта 2 мотивировочной части). Эту же точку зрения Председатель Конституционного Суда РФ В. Д. Зорькин выражал публично. Например, на Международном форуме по конституционному правосудию в 2005 году без каких-либо оговорок В. Д. Зорькин декларировал, что, «как одна из Высоких Договаривающихся Сторон, Рос-

²⁸ Рехтина И. В. Указ. соч. С. 53.

²⁹ Мишина Е. Сенсация, которой не было // Институт современной России: официальный сайт. 2015. 23 июля. URL: <https://imrussia.org/ru/право/2357-сенсация-которой-не-было> (дата обращения: 14.05.2019).

³⁰ См.: Исполинов А. Россия и ЕСПЧ: несколько слов в защиту Конституционного Суда РФ // Zakon.ru. 2015. 21 июля. URL: https://zakon.ru/blog/2015/7/21/ros-siya_i_espch_neskolko_slov_v_zashchitu_konstitucionnogo_suda_rf (дата обращения: 14.05.2019).

³¹ Там же.

³² См.: Филатова М. А. Соотношение правопорядков и иерархия международных и национальных норм: новые вопросы и подходы к их решению в практике Конституционного Суда России // Международное правосудие. 2016. № 3 (19). С. 88–100.

³³ Постановление Конституционного Суда РФ от 30 июля 2001 года № 13-П по делу о проверке конституционности положений подпункта 7 пункта 1 статьи 7, пункта 1 статьи 77 и пункта 1 статьи 81 Федерального закона «Об исполнительном производстве» в связи с запросами Арбитражного суда Воронежской области, Арбитражного суда Саратовской области и жалобой открытого акционерного общества «Разрез “Изыскский”».

сия связана обязательством исполнять окончательные постановления Европейского Суда по спорам, в которых она является Стороной» и «признаёт взятые на себя ограничения и подчиняется правам человека, принципам правового государства и демократии». «Следовательно, права и свободы, закреплённые ЕКПЧ, поскольку она является международным договором, и решения Европейского Суда по правам человека (ЕСПЧ), в той степени, в какой они выражают общепризнанные принципы и нормы международного права, являются составной частью российской правовой системы»³⁴, а «правовые позиции Европейского Суда, излагаемые им в решениях при толковании положений Конвенции и Протоколов к ней, и сами прецеденты Европейского Суда признаются Российской Федерацией как имеющие обязательный характер»³⁵.

Смена позиции в этом вопросе объясняется изменением политической конъюнктуры, ситуации на международной арене, а также наличием «конфликта» между Судом и ЕСПЧ. В тексте Постановления Суд приводит два решения ЕСПЧ в качестве примеров, которые призваны подтвердить противоречие выводов ЕСПЧ Конституции РФ. Суд прямо указывает на наличие между ним и ЕСПЧ «конфликта толкований» по делу *Константин Маркин против России*. В качестве примера «очевидного» расхождения положений Конституции РФ с решением ЕСПЧ Суд называет дело *Анчугов и Гладков против России*.

Это подтверждается и в комментариях, опубликованных позднее Председателем Суда в «Российской газете»³⁶. В.Д. Зорькин прямо указывает на политический контекст, в котором взаимодействуют Конституцион-

ный Суд и ЕСПЧ, отмечая, что «часто права человека и их защита, особенно в последнее время, становятся инструментом манипуляции и решения политических вопросов и проблем». Далее Председатель Суда поясняет: «...мы должны сделать всё, чтобы исключить опасную тенденцию политизации применения Конвенции и сползания к “холодной войне”»³⁷. Таким образом, можно предположить, что рассматриваемое Постановление является некой превентивной мерой, не позволяющей допустить «холодную войну». Ранее в этом же издании В.Д. Зорькин, рассуждая о «пределе уступчивости» российского Суда Европейскому Суду, обещал: «Если нам навязывают внешнее “дирижирование” правовой ситуацией в стране... то таких “дирижеров” надо поправлять»³⁸. Налицо эмоциональность высказываний, демонстрирующая личное отношение В.Д. Зорькина к этому вопросу. Такой стиль публикаций в целом характерен для Председателя Конституционного Суда РФ: несколько свободный от рациональных доводов, он заставляет читателя «согласиться» с позицией автора «не умом, а сердцем», что неизбежно «уводит читателя в сторону от основной проблемы»³⁹.

Именно внешнеполитической конфронтацией объяснили позицию Суда и некоторые СМИ. Например, редакция издания «Коммерсант» назвала Постановление № 21-П среди 18 наиболее «политических» решений Конституционного Суда России, принятых за 25 лет его существования⁴⁰. В аналитическом материале для агентства «Россия сегодня» юрист И. Ремесло объясняет позицию Суда ответом на действия ЕСПЧ⁴¹. Он утверждает,

³⁷ Там же.

³⁸ *Зорькин В.* Предел уступчивости // Российская газета. 2010. 29 октября. Федеральный выпуск № 246 (5325). URL: <https://rg.ru/2010/10/29/zorkin.html> (дата обращения: 14.05.2019).

³⁹ *Соболева А.К.* Ценностные ориентиры судебного решения: Валерий Дмитриевич Зорькин против Тамары Георгиевны Морщаковой. С. 14, 17.

⁴⁰ См.: *Пушкарская А.* (автор-составитель). 18 политических решений Конституционного суда: Выбор редакции “Ъ” к 25-летию избрания первого состава КС // Коммерсантъ. 2016. 28 октября. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3130551> (дата обращения: 14.05.2019).

⁴¹ См.: *Ремесло И.* Что важнее – суверенитет, права людей или международные обязательства // РИА Новости. 2015. 18 декабря. URL: <https://ria.ru/>

³⁴ *Зорькин В.Д.* Выступление на VIII Международном форуме по конституционному правосудию [9–10 декабря 2005 года] «Имплементация решений Европейского суда по правам человека в практике конституционных судов стран Европы». URL: <http://www.ksrf.ru/ru/News/Speech/Pages/ViewItem.aspx?ParamId=16> (дата обращения: 14.05.2019).

³⁵ Там же.

³⁶ *Зорькин В.* Россия и Страсбург: Проблемы реализации Конвенции о правах человека // Российская газета. 2015. 22 октября. Федеральный выпуск № 238 (6809). URL: <https://rg.ru/2015/10/21/zorkin.html> (дата обращения: 14.05.2019).

что, «учитывая последние антироссийские решения ЕСПЧ по жалобе “акционеров ЮКОСа”, от него можно ожидать любых политически мотивированных решений»⁴².

Справедливость высказанных опасений подтвердила дальнейшая практика Суда по новой категории дел «Разрешение вопроса о возможности исполнения решения межгосударственного органа по защите прав и свобод человека». В рамках новых полномочий Судом были рассмотрены два «знаковых» решения ЕСПЧ. Сначала — решение по делу *Анчугов и Гладков против России* 2013 года⁴³, оценку которому как противоречащему Конституции Суд уже дал в Постановлении. Позднее — дело *ОАО «Нефтяная компания “ЮКОС”» против России*, по которому решения ЕСПЧ были вынесены в 2011 и 2014 годах⁴⁴. О невозможности исполнения решений ЕСПЧ по этим делам были вынесены постановления Конституционного Суда РФ от 19 апреля 2016 года № 12-П⁴⁵ и от 19 января 2017 года № 1-П⁴⁶ соответственно.

Постановление, а также связанные с ним изменения Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» стали предметом рассмотрения Венецианской комиссии Совета Европы. В итоговом мнении комиссии по этому

вопросу, вынесенном 13 июня 2016 года, была сформулирована однозначная позиция относительно принятого Судом Постановления⁴⁷. Согласно позиции Венецианской комиссии, право Суда принимать решение относительно «исполнимости» решения ЕСПЧ не соответствует положениям ЕКПЧ и признанным нормам международного права. В ведении юрисдикционных органов России может быть оставлен лишь вопрос о конкретном способе исполнения решения ЕСПЧ, а вопрос о выплате присужденных ЕСПЧ заявителям компенсаций в связи с нарушением их прав со стороны России вообще не может подвергаться сомнению, а подлежит безусловному исполнению.

Таким образом, в Постановлении присутствуют следующие признаки политического аргумента: непоследовательность в собственных правовых позициях Суда, зависимость позиции Суда от политической конъюнктуры, неоднозначность используемого правового аргумента, а главное — обозначение конкретных политических целей: регулирование степени зарубежного вмешательства во внутренние дела и защита политических, суверенных интересов государства. Само по себе прямое указание на наличие конфликта между судебными инстанциями в тексте судебного акта является подтверждением действия Суда в данном случае не как отвлеченного и беспристрастного автора решения, а как активного субъекта, политического актора, обладающего самостоятельным интересом в предмете спора.

3.4. Индивидуальные мнения судей и экс-судей Конституционного Суда об аргументации Постановления

Наряду со статьями Председателя Суда появились также публикации других судей. Их риторика не многим отличалась от позиции В. Д. Зорькина.

analytics/20151218/1344419286.html (дата обращения: 14.05.2019).

⁴² Там же.

⁴³ European Court of Human Rights (*далее* — ECtHR). *Anchugov and Gladkov v. Russia*. Applications nos. 11157/04 and 15162/05. Judgment of 4 July 2013.

⁴⁴ ECtHR. *OAO Neftyanaya Kompaniya Yukos v. Russia*. Application no. 14902/04. Judgment of 20 September 2011; *OAO Neftyanaya Kompaniya Yukos v. Russia*. Application no. 14902/04. Judgment of 31 July 2014.

⁴⁵ Постановление Конституционного Суда РФ от 19 апреля 2016 года № 12-П по делу о разрешении вопроса о возможности исполнения в соответствии с Конституцией Российской Федерации постановления Европейского Суда по правам человека от 4 июля 2013 года по делу «Анчугов и Гладков против России» в связи с запросом Министерства юстиции Российской Федерации.

⁴⁶ Постановление Конституционного Суда РФ от 19 января 2017 года № 1-П по делу о разрешении вопроса о возможности исполнения в соответствии с Конституцией Российской Федерации постановления Европейского Суда по правам человека от 31 июля 2014 года по делу «ОАО «Нефтяная компания «ЮКОС»» против России» в связи с запросом Министерства юстиции Российской Федерации.

⁴⁷ См.: European Commission for Democracy through Law (Venice Commission). “Russian Federation. Final Opinion on the Amendments to the Federal Constitutional Law on the Constitutional Court”. Opinion no. 832/2015 of 13 June 2016. URL: [https://www.venice.coe.int/webforms/documents/?pdf=CDL-AD\(2016\)016-e](https://www.venice.coe.int/webforms/documents/?pdf=CDL-AD(2016)016-e) (дата обращения: 14.05.2019).

Судья Конституционного Суда С. Д. Князев следующим образом даёт оценку политического контекста принятого решения: «Не стоит закрывать глаза и на то, что в российском обществе идея конституционных изменений в последнее время обретает всё более настойчивые проявления. О полезности (или, напротив, нецелесообразности) таких изменений спорят не только политики, общественные деятели, учёные-юристы, но и обычные граждане. В эпицентре их конституционно-правовой полемики всё чаще оказываются вопросы, связанные с институционализацией сильного государства, возрождением государственной идеологии, обеспечением духовного единства народа, отказом от приоритета международного права, возвратом смертной казни и т. п.»⁴⁸. Судья объясняет, что позицию Суда стоит рассматривать не как попытку вступить в конфронтацию с ЕСПЧ. Напротив, Суд, применяя возможные толкования соответствующих статей, вместо радикальных изменений самого основополагающего акта — Конституции РФ — стремится сохранить существующий стандарт взаимодействия с ЕСПЧ и неприкосновенность основ конституционного строя.

Судья Конституционного Суда Н. С. Бондарь в соавторстве с советником судьи А. А. Джагаряном опубликовали обширную статью, один из разделов которой посвящён соотношению Конституции РФ с нормами международного права⁴⁹. Авторы обозначают претензию к ЕСПЧ, который «нередко формулирует оценочные суждения в отношении национальных норм, в том числе конституционных, если видит в них предпосылки конвенционно-дефектного правоприменения»⁵⁰. В этом случае им представляется обоснованной позиция Суда, который оставил за собой право принимать окончательное решение об исполнимости решений ЕСПЧ. Авторы предлагают расценивать решение Суда как «естественное рефлекторное отражение объек-

тивных различий ценностных начал конвенционной и национальной конституционной юрисдикций». Они считают неприемлемыми «спекулятивные оценки в духе конфронтационного подхода» и предлагают при оценке позиции Суда «взять за основу координаты достижения компромисса, баланса интересов и ценностей»⁵¹.

Судья Конституционного Суда С. П. Маврин делает акцент на международной политической обстановке, в которой вынуждена существовать Россия, и подчёркивает исключительно миротворческие намерения Суда. Автор высказывается следующим образом: «...негативный фон, который сложился в международных отношениях применительно к Российской Федерации, вовсе не представляет собой обязательное условие для самой постановки данного вопроса, поскольку он в принципе не является чисто российским и не порождён, несмотря на то что может быть кому-то и хотелось бы такое предположить, исключительно желанием России достойно ответить на принятые в отношении её негативные меры»⁵².

Высказала поддержку позиции Суда, обозначенной в Постановлении, и бывшая судья Конституционного Суда (в отставке с 2002 года) Т. Г. Морщакова. Она отметила, что «позиция Конституционного Суда заслуживает одобрения не только как обнаруживающая стремление... [ограничить монолог ЕСПЧ]... но и как удерживающая судебную систему и систему исполнительной власти России от присвоения себе права отрицать необходимость исполнения решений наднациональной юрисдикции»⁵³. Это суждение даёт нам повод продолжить его предположением, что монополия на принятие решений об исполнимости постановлений ЕСПЧ, которую обосновал Суд, может быть меньшим злом по сравнению с возможностью оставления такого

⁵¹ Там же.

⁵² Маврин С. П. Решения Европейского суда по правам человека в правовой системе России // Журнал конституционного правосудия. 2015. № 6. С. 1–6, 2. URL: <https://roseurosud.org/espch/resheniya-espch-v-pravovoj-sisteme-rossii> (дата обращения: 14.05.2019).

⁵³ Морщакова Т. О некоторых актуальных проблемах конституционного правосудия // Сравнительное конституционное обозрение. 2017. № 3(118). С. 117–124, 119.

⁴⁸ Князев С. Д. Обязательность постановлений ЕСПЧ в правовой системе России (на основе практики Конституционного Суда Российской Федерации) // Журнал российского права. 2016. № 12. С. 5–17, 15–16.

⁴⁹ См.: Бондарь Н., Джагарян А. Прямое действие Конституции: генерация и гарантирование конституционным правосудием // Сравнительное конституционное обозрение. 2016. № 3(112). С. 52–78.

⁵⁰ Там же. С. 75.

права за другими органами государственной власти России.

Таким образом, представители российского судебно-конституционного сообщества солидарны с Председателем Суда и высказываются в едином ключе. Среди определяющих условий принятия решения они единогласно называют острую политическую ситуацию, а основным его мотивом — не эскалацию конфликта, а, напротив, выбор самого дипломатичного и мирного варианта устранения разногласий России и ЕСПЧ.

3.5. Дефицит правового обоснования применения судебной практики иностранных органов конституционного правосудия и Европейского Суда по правам человека

В Постановлении Суд использует ссылки на ряд решений судов иностранных органов конституционного правосудия — ФРГ, Великобритании, Италии, Австрии⁵⁴. Каждое из таких решений касается вопросов исполнения решений ЕСПЧ по конкретным делам: национальные суды не исполняют отдельные предписания ЕСПЧ.

Единственным аргументом, который использовал каждый из вышеуказанных национальных судебных органов при обосновании отказа применения ими предписаний ЕСПЧ, являлась наилучшая реализация принципа защиты прав и свобод человека. При этом суды конкретных государств лишь изменяли способ восстановления нарушенных прав пострадавшего по конкретному делу, а не полностью игнорировали постановление ЕСПЧ и тем более не разрабатывали универсальное

основание для возможного отказа от исполнения любого решения ЕСПЧ в будущем. Давая ссылки на конкретные постановления зарубежных судебных инстанций, Суд не проводит каких-либо различий по категориям дел и не учитывает национальные особенности ведения судебного процесса, компетенцию и объём полномочий высших судебных инстанций конкретных государств, роль и историю их взаимоотношений с ЕСПЧ. Постановление не приводит решений из судебной практики других государств, в которых бы анализировались ситуации потенциального возникновения противоречий между решениями ЕСПЧ и нормами национальных конституций, как это имело место в рассматриваемом Постановлении Суда. Напротив, все приведённые в Постановлении судебные акты принимались иностранными судами в связи с необходимостью разрешить конкретное дело.

По-видимому, ссылка на практику иностранных государств лишь призвана продемонстрировать, что другие государства также не всегда согласны с решениями ЕСПЧ. Эта мысль фиксируется в заключительной части Постановления, где Суд ещё раз подчёркивает, что ЕСПЧ возражают не только в России, но и в других государствах — участниках Конвенции и что Суд «лишь в редчайших случаях считает возможным использовать “право на возражение” ради внесения своего вклада (вслед за коллегами из Австрии, Великобритании, Германии и Италии) в формирование сбалансированной практики Европейского Суда по правам человека» (абзац 4 пункта 6 мотивировочной части Постановления). Использование практики иностранных коллег называют «стратегическим» А. А. Троицкая и Т. М. Храмова, подробно рассмотревшие вопрос целей цитирования Судом решений зарубежных органов конституционного контроля⁵⁵. Эта впервые использованная российским Судом в анализируемом Постановлении техника конкретного цитирования судебных решений имеет целью позиционирование Суда в национальной правовой системе и на международной арене⁵⁶. Тем самым обра-

⁵⁴ В Постановлении от 14 июля 2015 года № 21-П года использованы ссылки на следующие решения: Постановление Федерального конституционного суда Федеративной Республики Германия от 14 октября 2004 года по делу 2BvR 1481/04 (BVerfGE 111, 307) об исполнении Постановления Европейского Суда по правам человека от 26 февраля 2004 года по делу *Гёргюлю (Gorgulu) против Германии*; Решение Верховного суда Соединённого Королевства Великобритании и Северной Ирландии от 16 октября 2013 года относительно Постановления ЕСПЧ от 6 октября 2005 года по делу *Хёрст против Соединённого Королевства*; постановления Конституционного суда Итальянской Республики от 19 ноября 2012 года по делу № 264/2012 и от 22 октября 2014 года по делу № 238/2014.

⁵⁵ См.: Троицкая А. А., Храмова Т. М. Использование органами конституционного контроля зарубежного опыта // Государство и право. 2016. № 8. С. 5–22.

⁵⁶ См.: Там же. С. 5, 11.

шение к иностранным органам конституционного контроля закрепляет общий «эффект противостояния» во взглядах между национальными и международными судебными органами, наблюдаемый и последовательно транслируемый в Постановлении.

Таким образом, несмотря на то что Суд использует правовые источники и ссылается на судебную практику, данная аргументация является политической. При этом собственно правовая оценка приведённых постановлений отсутствует. Последние служат подтверждением существующего между ЕСПЧ и Судом противостояния, в котором российский Суд выбирает в качестве «союзников» зарубежные органы правосудия, апеллируя тем самым к их авторитету, разделяя их позицию и ассоциируя со своей.

4. Заключение и направление дальнейших исследований

Анализируемое Постановление позволяет продемонстрировать двойственную природу Суда: как судебного органа и как политического института. Тем самым данное решение даёт возможность рассматривать и оценивать акты Суда не только с правовой, но и с социологической точки зрения и, как следствие, сделать важнейший вывод о легитимности его решений. Непосредственная апелляция к легитимности, которую выдвинул Суд в ходе обоснования своей позиции в Постановлении от 14 июля 2015 года № 21-П, является важнейшим доказательством уместности применения этой категории к судебным решениям. Данный факт подтверждает, что Суд при вынесении постановления осознаёт необходимость его соответствия не только нормам права, но и общим понятиям справедливости. Используя приёмы политической аргументации, Суд обеспечивает себе поддержку более широкой аудитории, объясняя свою позицию политической эффективностью, необходимостью защиты государственных интересов (суверенитета) и расстановкой сил на международной арене.

Принимая в некотором смысле революционное решение, Суд уделил особое внимание объяснению собственных позиций как в тексте самого Постановления, что является естественным для подобного рода документа, так

и за пределами судебного решения — в прессе, публичных выступлениях и научных публикациях. Ключевую роль в процессе общения с «широкими массами» и формирования восприятия решения Суда как легитимного играет Председатель Конституционного Суда РФ В. Д. Зорькин. Среди мотивов принятия конкретных решений им была прямо обозначена политическая причина: разногласия в позициях России и ЕСПЧ. В связи с этим в мотивировочной части принятого Конституционным Судом РФ решения сугубо юридические основания и правовые аргументы отошли на второй план, а политические аргументы стали основными. При формулировании своей позиции Суд, однако, использовал некоторые «страховочные» приёмы, позволяющие смягчить жёсткий характер принятого решения. Среди них — формулирование наиболее спорных моментов своей позиции не в резолютивной части Постановления, а в его мотивировочной части, оставление конкретных методов и способов реализации принятых решений за другими государственными органами, формальное соответствие принятого решения собственной и международной практике по рассматриваемому вопросу.

Реализуя свою политическую функцию, Суд использовал политическую аргументацию для обоснования принятого решения и выступил органичным элементом российской политической системы. Обозначив свою позицию в споре с ЕСПЧ, Суд стал непосредственным участником рассматриваемых в Постановлении правоотношений, действуя, таким образом, как политический актор. Вынося решение от имени Российской Федерации, Суд определил и обосновал политику государства по вопросу взаимодействия с международным институтом защиты прав человека, а также создал необходимые условия для возможных действий других участников российской политической системы.

Рассмотренная в настоящей статье методика анализа аргументации может иметь перспективу применения для оценки легитимности «знаковых» постановлений Суда. Среди её преимуществ следует отметить возможность последовательного анализа судебной аргументации, наличие чётких критериев различения политических и правовых аргументов. Зачастую в одном и том же аргументе Суда могут содержаться признаки и право-

вого, и политического аргумента, однако последовательный анализ позволяет установить его первичную природу. В дальнейшем, по результатам анализа значительного числа постановлений Конституционного Суда РФ, возможно усовершенствовать предложенную методику, установить приоритетность среди качественных критериев для оценки степени «политизации» конкретного постановления.

Библиографическое описание:

КомшукOVA О. Политическая аргументация в решениях Конституционного Суда Российской Федерации: анализ Постановления от 14 июля 2015 года № 21-П // Сравнительное конституционное обозрение. 2019. № 3 (130). С. 110–126.

Political reasoning in the decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation: analysis of the Judgment of July 14, 2015, No. 21-P

Olga Komshukova

Lawyer, Ph.D. student, Graduate School of Political Sciences, Higher School of Economics, Moscow, Russia (e-mail: komshukova@gmail.com).

Abstract

This article offers a method of political and legal analysis for decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation that allows us to differentiate between political and legal arguments of the Court. Judgment of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 21-P, dated July 14, 2015, which contains an interpretation of the constitutional norm on the primacy of international law, was selected as the object of this research. This Judgment effectively enshrined the right of Russia, in exceptional cases, not to execute the decisions of the European Court of Human Rights. This resonant Judgment demonstrates the specifics of the arguments of the Constitutional Court of the Russian Federation that give rise to a discussion of the admissibility of this Resolution, along with not only legal, but also political arguments when deciding. While the legal side of this issue is amenable to detailed analysis, the political reasoning of Court decisions has not been adequately investigated. The author proposes a methodology for analyzing the court's arguments that which takes into account a number of criteria, including the substantive nature of the reasoning, the peculiarities of the abstract value categories of the court, speech, and stylistic features. In addition to the text of the judicial act itself, the objects of the study were the publications of the Chairman of the Constitutional Court of the Russian Federation, current and former judges of the Russian Constitutional Court, representatives of the professional legal community, and the media. This analysis allows us to draw a number of conclusions regarding the features of the legitimization mechanism used by the Court in its decisions, and the proposed methodology can be applied in the future to analyze other decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation.

Keywords

political argumentation; the legitimacy of Constitutional Court decisions; Constitutional Court as a political institution; European Court of Human Rights.

Citation

Komshukova O. (2019) Politicheskaya argumentatsiya v resheniyakh Konstitutsionnogo Suda Rossiyskoy Federatsii: analiz Postanovleniya ot 14 iyulya 2015 goda No. 21-P [Political reasoning in the decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation: analysis of the Judgment of July 14, 2015, No. 21-P]. *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie*, vol. 28, no. 3, pp. 110–126. (In Russian).

References

- Blankenagel A., Levin I. G. (2015) V printsipe nel'zya, no možhno!..: Konstitutsionnyy Sud Rossii i delo ob obyazatel'nosti resheniy Evropeyskogo Suda po pravam cheloveka [Not in principle, but you can!..: The Constitutional Court of the Russian Federation and the case concerning the binding nature of the decisions of the ECtHR]. *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie*, vol. 24, no. 5, pp. 152–162. (In Russian).
- Blokhin P. (2018) Sudebnaya doktrina konstitutsionnoy identichnosti: genesis, problemy, perspektivy [The judicial doctrine of constitutional identity: genesis, issues and perspectives]. *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie*, vol. 27, no. 6, pp. 62–81. (In Russian).
- Bondar' N., Dzhagaryan A. (2016) Pryamoe deystvie Konstitutsii: generatsiya i garantirovanie konstitutsionnym pravosudiem [The direct application of the Constitution: the making and providing guarantees by constitutional justice]. *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie*, vol. 25, no. 3, pp. 52–78. (In Russian).
- Dzhagaryan A. (2014) Vmenennaya bezuprechnost': resheniya Konstitutsionnogo Suda Rossiyskoy Federatsii i pravovoe kachestvo. Otvet na stat'yu A. Petrova [Temporary perfection: decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation and legal quality. Reply to A. Petrov's article]. *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie*, vol. 23, no. 2, pp. 111–124. (In Russian).
- Fallon R. H., Jr. (2018) *Law and Legitimacy in the Supreme Court*. Cambridge: The Belknap Press of Harvard University Press.
- Filatova M. A. (2016) Sootnoshenie pravoporyadkov i ierarkhiya mezhdunarodnykh norm: novye voprosy i podkhody k ikh resheniyu v praktike Konstitutsionnogo Suda Rossii [Relations of legal orders and hierarchy of international and national norms: new issues and solutions in the Russian Constitutional Court's case-law]. *Mezhdunarodnoe pravosudie*, vol. 6, no. 3, pp. 88–100. (In Russian).
- Knyazev S. D. (2016) Obyazatel'nost' postanovleniy ESPCh v pravovoy sisteme Rossii (na osnove praktiki Konstitutsionnogo Suda Rossiyskoy Federatsii) [Executive force of the ECtHR judgements in a legal system of the Russian Federation (on the basis of the practice of the Constitutional Court)]. *Zhurnal Rossiyskogo prava*, no. 12, pp. 5–17. (In Russian).
- Kozhemyakin E. A. (2011) *Yuridicheskiy diskurs kak kul'turnyy fenomen: struktura i smysloobrazovanie* [Legal discourse as a cultural phenomenon: structure and meaning]. *Yurislingvistika: Pravo kak diskurs, tekst i slovo*, no. 1, pp. 131–145. (In Russian).
- Lumer C. (2003) Interpreting arguments: Proceedings of the 5-th Conference of the International Society for the Study of Argumentation, Amsterdam: SicSat, pp. 715–719.
- Mavrin S. P. (2015) Resheniya Evropeyskogo Suda po pravam cheloveka v pravovoy sisteme Rossii [Decisions of the European Court of Human Rights in the legal system of Russia]. *Zhurnal konstitutsionnogo pravosudiya*, no. 6, pp. 1–6. (In Russian).
- Medushevskiy A. N. (ed.) (2014). *Konstitutsionnye printsipy i puti ikh realizatsii: Rossiyskiy kontekst: Analiticheskiy doklad* [Constitutional principles and ways to implement them: the Russian context. Analytical report], Moscow: Institut Prava i Publichnoy Politiki. (In Russian).

- Medushevsky A. N. (2011) Konstitutsionnyy kontrol' i politicheskiy vybor v obshchestvakh perekhodnogo tipa: k probleme legitimnosti sudebnykh resheniy na postsovetskom prostranstve [Constitutional control and political choice in transitional societies: to the problem of the legitimacy of judicial decisions in the post-Soviet space]. *Vestnik Konstitutsionnogo soveta Respubliki Kazakhstan*, no. 18, pp. 49–64. (In Russian).
- Medushevsky A. N. (2014) *Rossiyskaya pravovaya traditsiya – opora ili pregrada?: Doklad i obsuzhdenie* [The Russian Legal Tradition – the Groundwork or Obstruction? Report and discussion], Moscow: Fond «Liberal'naya Missiya». (In Russian).
- Medushevsky A. N. (2015) *Konstitutsionnoe pravosudie kak politicheskiy institut v sisteme razdeleniya vlastey* [Constitutional justice as a political institution in the separation of powers]. In: *Politicheskie sochineniya: pravo i vlast' v usloviyakh sotsial'nykh transformatsiy* [Political writings: law and power under the conditions of social transformations], Moscow, Saint Petersburg: Tsentr gumanitarnykh initsiativ; Universitetskaya kniga, pp. 252–285. (In Russian).
- Mikirtumov I. B. (2015) Argumentatsiya i legitimnost': delo Markina [Argumentation and legitimacy: Markin's case]. *ПАЦИО.ru*, no. 15, pp. 97–133. (In Russian).
- Morshchakova T. (2017) O nekotorykh aktual'nykh problemakh rossiyskogo konstitutsionnogo pravosudiya [Some actual issues of constitutional justice development in Russia]. *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie*, vol. 26, no. 3, pp. 117–124. (In Russian).
- Mrozek A., Sledzinska-Simon A. (2017) Sravnitel'nyy vzglyad na pol'skiy konstitutsionnyy krizis: legitimnost' konstitutsionnykh sudov i printsip verkhovstva prava [On the legitimacy of constitutional courts and the rule of law in a comparative view on the Polish constitutional crisis]. *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie*, vol. 26, no. 1, pp. 64–79. (In Russian).
- Petrov A. (2014) Pravovoe kachestvo resheniy Konstitutsionnogo Suda Rossiyskoy Federatsii: postanovka voprosa i nekotorye prakticheskie problemy [Legal quality of decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation: formulation of the questions and some practical issues]. *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie*, vol. 23, no. 2, pp. 95–110. (In Russian).
- Pye L. W. (1993) Political communication. In: Bogdanor V. (ed.) *The Blackwell Encyclopedia of Political Science*, 2nd ed., Cambridge: Cambridge University Press, pp. 443–445.
- Rekhtina I. V. (2017) Izmenenie poryadka ispolneniya aktov Evropeyskogo Suda po pravam cheloveka v svyazi s prinyatiem Postanovleniya Konstitutsionnogo Suda RF ot 14 iyulya 2015 goda No. 21-P [Amendment of procedure of the European Court judgment enforcement connected to adoption of Judgment of the Constitutional Court of the Russian Federation, dated July 14, 2015 No. 21-P]. *Rossiyskiy sud'ya*, no. 6, pp. 50–53. (In Russian).
- Soboleva A. K. (2002) *Topicheskaya yurisprudentsiya* [Topical jurisprudence], Moscow, Dobrosvet. (In Russian).
- Soboleva A. K. (2009) Tsennostnye orientiry sudebnogo resheniya: Valeriy Dmitrievich Zor'kin protiv Tamary Georgievny Morshchakovoy [Values of judgment: Valery Dmitrievich Zor'kin versus Tamara Georgievna Morshchakova]. *Novaya yustitsiya*, no. 1, pp. 5–17. (In Russian).
- Troitskaya A. A., Khramova T. M. (2016) Ispol'zovanie organami konstitutsionnogo kontrolya zarubezhnogo opyta [Utilization of foreign experience by bodies of constitutional control]. *Gosudarstvo i pravo*, no. 8, pp. 5–22. (In Russian).
- Troitskaya A., Khramova T. (2018) Osnovy osnov: ekspressivnyy i funktsional'nyy potentsial konstitutsionnykh ustremleniy [Constitutional cornerstones: expressive and functional potential of constitutional aspirations]. *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie*, vol. 27, no. 1, pp. 54–79. (In Russian).
- Zor'kin V. D. (2005) *Vystuplenie na VIII Mezhdunarodnom forume po konstitutsionnomu pravosudiyu 9–10 dekabrya 2005 goda "Implementatsiya resheniy Evropeyskogo Suda po pravam cheloveka v praktike konstitutsionnykh sudov stran Evropy"* [Speech at the VIII International Forum on Constitutional Justice, December 9–10, 2005 "Implementation of the decisions of the European Court of Human Rights in the practice of the constitutional courts of European countries"]. Available at: <http://www.ksrf.ru/ru/News/Speech/Pages/ViewItem.aspx?ParamId=16> (accessed: 01.05.2019). (In Russian).
- Zor'kin V. D. (2010) Predel ustupchivosti [Limits of acquiescence]. *Rossiyskaya gazeta*, Federal issue, no. 246, 29 October. Available at: <https://rg.ru/2010/10/29/zorkin.html> (accessed: 01.05.2019). (In Russian).
- Zor'kin V. D. (2015) Rossiya i Strasburg: Problemy realizatsii Konventsii o pravakh cheloveka [Russia and Strasbourg. Problems of implementation of the Convention on Human Rights]. *Rossiyskaya gazeta*, Federal issue, no. 238, 22 October. Available at: <https://rg.ru/2015/10/21/zorkin.html> (accessed: 01.05.2019). (In Russian).